

Владимир Мамонтов, журналист, президент редакции газеты «Известия»

Русский человек за рубежом: что изменилось со времен Тургенева?

Во-первых, я хотел бы поблагодарить университет и всех присутствующих за честь и возможность выступить у вас. Я прокомментирую заявленную тему выступления и расскажу, почему Тургенев. Это как обычно бывает: как-нибудь так цепляется в голове одно за другое, и я подумал, что меня сейчас волнует лично как журналиста. Вот об этом я и буду говорить...

Я сейчас очень много летаю, и для того, чтобы в процессе перелетов не скучать, я скачал на телефон такое интересное приложение для iPhone: «1900 книг. Классика русской литературы». Есть малоизвестные русские классики, как выяснилось, для меня это было новостью... Я стал читать в перелетах, вместо того чтобы бессмысленно спать или играть в игры, и наткнулся на просто блистательные тургеневские оценки, перечитал в первую очередь именно его — как тогдашние люди и тогдашнее поколение, либералы и государственники, относились к России, к тому, что в ней происходит, к реформам, к еще каким-то очень важным вещам. Если вы возьмете на себя труд это перечитать, то вы обратите внимание на такую странную особенность: в общем-то, мало что изменилось. Подтверждается старинная, не мной, разумеется, придуманная история о том, что за десять лет в России может перевернуться с ног на голову все, а за сто — ничего. Абсолютно интересная, абсолютно справедливая, если почитать Тургенева, вещь.

Я приведу вам просто маленькую цитатку, которая мне представляется очень важной. Это из «Дыма», история в том, что герой, как здесь написано, из чиновника переходит в помещики и становится на новую, европейскую колею, тому способствует его супруга. И вот что с ним происходит (я думаю, мы узнаем кое-что в этой цитате): «По ее милости он стал и одеваться опрятно, и держаться прилично, и браниться бросил; стал уважать ученых и ученость, хотя, конечно, ни одной книги в руки не брал, и всячески старался не уронить себя: даже ходить стал тише и говорил расслабленным голосом, все больше о предметах возвышенных, что ему стоило трудов немалых. "Эх! Взят бы да выпорол!" — думал он иногда про себя, а вслух произносил: "Да, да, это... конечно; это вопрос"». И далее: «Дом свой мать Литвинова тоже поставила на европейскую ногу; слугам говорила "вы" и никому не позволяла за обедом наедаться до сопения. Что же касается до имения, ей принадлежавшего, то ни она сама, ни муж ее ничего с ним сделать не

сумели: оно было давно запущено...» — ну и так далее... Эта любовь к каким-то вещам, как бы обустроить себя под европейцев — это пере-
нимается легко, а вот внутренние переустройства даются тяжело. Большой вопрос: а нужно ли это переустройство? Или великое счастье заключается в том, в парадоксальном смысле, что папа господина Литвинова все-таки полагает: «А не выпороть ли?» Может быть, сначала имение обустроить, а потом — полюбить кого-то еще там, за рубежом? Всегда был этот огромный зазор, и всегда было какое-то огромное внутреннее познание...

Если же вернуться к тому, что происходит с нашим человеком, когда он все-таки оказывается там со своим русским языком, со своими представлениями, как он пытается там жить... Буквально вчера мы встречались с собкором одного из изданий. Она не тургеневская девушка, безусловно, она не Джема какая-нибудь и даже не Полозова из «Вешних вод», но мы поговорили очень интересно. Она четыре года прожила в США. Она страшно любит США... страшно любила США, она мечтала долго-долго, она грезилась Англией, грезилась Америкой... она вообще не любит Россию, ей все здесь противно, все какие-то не те, неправильные, неевропейские. Знаете, что она мне сказала? Она мне сказала: «Я не люблю Россию, эту страну... Но я четыре года прожила в Америке, и ведь она мне не помогла, — говорит она с некоторым таким наивным, я бы даже сказал, изумлением, даже удивительным для нее изумлением. — Ну что ж, буду здесь... как субстрат в проруби». И все равно какая-то вот эта вчерашняя любовь в ней присутствует, она в ней существует.

Почему я об этом вспомнил? Она довольно хорошо пишет и говорит по-русски, но в каждую секунду, если есть такая возможность заменить русское слово любимым ей словом из другого языка, она это делает. Ей кажется, что вот так она, как отец Литвинова, внешне приближается к «европейскости», к чему-то западному, и она даже не замечает этого. Это уже вошло, влилось ей в определенный участок мозга, она таким образом мыслит. Для противоположного примера у меня есть тоже хорошая знакомая, мы с ней очень долго работали. Она по воле случая оказалась за рубежом, так вот, она — наоборот: писать на русском языке, сидя в Европе, возможность печататься и говорить по-русски для нее является огромной отдушиной в жизни. У меня есть такое предположение, что первая моя знакомая отлично знает английский язык и всегда хотела, как та Дунька, в Европу, а вторая моя знакомая плохо знает английский язык и почти не знает других языков — и никогда туда не хотела, ей всегда здесь хорошо жилось и все нравилось.